

Ошибка Шерлока Холмса

Леонид ТРАУБЕРГ

Рисунок Эдуарда Мана и стилизованный Эдгаром По «Ворона».

Мистер Невилл Сент-Клер, почтенный журналист и семьянин, намалевал на лице шрам, изуродовал краской губу, надел рыжий парик и лохмотья и в самом оживленном месте Сити¹ стал просить милостыню. К его удивлению, он набрал за день столько же, сколько зарабатывал литературным трудом за неделю.

И благоприличный литератор превратился (на семь часов в сутки) в уродливого отщепенца.

История о нем поведена миру Артуром Конан Дойлем в рассказе "Человек с рассеченной губой"; рассказ, если хотите, автобиографичен. Сент-Клер вызывал отвращение, но шибко зарабатывал. Конан Дойль, в прошлом военный врач, исторический и бытовой романист, мечтавший о лаврах Диккенса, сделался знаменитым, получил дворянство (и, между прочим, огромные гонорары), став одним из создателей детективного жанра.

Непригляден вид жалкого нищего, но что презрение к нему по сравнению с презрением многих к жанру детектива!

"Я, нижеподписавшийся, прослывшийся за ученого и даже умного человека, читал эту рукопись и против воли нашел ее любопытной, занимательной, философичной и достойной внимания даже тех, кто ненавидит романы. На этом основании я обесславил это сочинение и уверил господина Кади-эль-Аскера в том, что оно отвратительно". (Вольтер. Эпиграф к философской повести "Задиг".)

Жанр детектива обесславлен не без оснований, если причислять к нему произведения таких авторов, как Флеминг, Спиллейн и иже с ними. Но можно ли по плохим, по существу, ничего общего с детективом не имеющим вещам судить о жанре в целом? Задумался ли кто-либо о том, какое количество беспардонных виршей опубликовано только в десятилетие, когда творили Блок и Маяковский? Отношение двести - один, вероятно, является преуменьшенным. Но логичен ли будет вывод: поэзия заслуживает осуждения? Кстати о логике. В редких случаях отчетливо произносится третья буква в названии жанра. Буква "т". Название происходит от английского слова "детектив" - "сыщик". Точнее: от латинского слова "deducere" - "ищу", "обнаруживаю" (в радио - "детектор").

А произносят не "т", а "д": "де-дек-тив". И в этой ошибке свой смысл. "Дедукция"- термин логики, обозначающий выведение одной мысли из другой, делаемое на основании логических законов" (Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона). Примечательно, что большинство героев "сыщицкой" литературы по профессии не детективы, тем более не полицейские. Инспектор Мэгрэ французского писателя Жоржа

¹ С и т и - деловой квартал Лондона.

Сименона - исключение, подтверждающее правило. Для того, чтобы агент полиции Кафф принял участие в поисках Лунного камня, ему пришлось стать бывшим агентом.² Конечно, родство со Скотланд-Ярдом³ - тяжкий грех. Еще более тяжкий - родство с выпусками в аляповатых обложках, повествующими о борьбе знаменитого сыщика Ника Картера с демонической Ирмой Дацар.

Но только ли сыщики - Ник Картер, Нат Пинкертон, Пат Коннер - в этой родне? Король задает загадки мужику. Их разгадывает дочь мужика. Король велит ей явиться во дворец ни пешком, ни на лошади, ни нагой, ни в платье, ни с пустыми руками, но и не принеся ничего. Девушка приезжает на козе, одетая в густую сеть, передает королю жаворонка, который тут же улетает.

Хитроумный Улисс... Гомерова "Одиссея" не только эпопея о скитаниях героя, это и гимн изворотливости (хотя бы спасение от злого циклопа Полифема!). Но что Улисс! Сами боги изощряются в хитроумии.

Вот сюжет пьесы Софокла "Следопыты":

«Бог Аполлон потерял священных коров. Сатиры ищут их по следам ("Нюхом запах в воздухе лова, на корточках, лицом земли почти касаясь, отпечатков слабых и обонянием ища и взором" - чем не излюбленная поза Холмса на работе?). Следы спуганы, назад глядит копыто. Укравший стадо бог Гермес убил половину коров, содрал с их ног кожу и надел, как чулки, оставшимся назад копытами!»

Надо оговориться: для детективного рассказа такая ситуация - преступник одерживает верх - не характерна. В подлинном детективе защитник справедливости, человек, идущий по следу преступников, всегда - герой, неизменно выходящий победителем в борьбе с ними. Презируя охранителей буржуазного строя, полицейских ищек, народ восхищается теми, кто борется с преступниками, почитает хитроумных следопытов, людей, умеющих дедуктивно мыслить и детективно искать.

Чтили их и великие писатели.

«...Молодой человек,- сказал ему первый евнух,- не видели ли вы кобеля царицы?» Задиг скромно отвечал: "То есть суку, а не кобеля". "Вы правы",- отвечал первый евнух. "Она очень маленькая болонка,- прибавил Задиг,- недавно ошенилась, хромот на левую переднюю лапу и имеет очень длинные уши". "Вы видели ее?" - сказал евнух, едва дыша от усталости. "Нет,- отвечал Задиг,- я никогда не видел ее и даже не знал, что у царицы есть собака".

У царицы была собака, описанная на полтора столетия раньше, чем всем известная собака Баскервилей.

Вольтер не создал жанра, но его Задигу свойственны и дедукция и наблюдательность детектива. Да и сам Вольтер, как известно, не чуждался судебных дел, героически вступившись за протестанта Каласа, оклеветанного католической церковью. Кстати, главная статья Вольтера носит название "Рассуждение о терпимости".

Близости к детективу не чурались и великие авторы. Недаром Уилки Коллинз был соратником Чарлза Диккенса: именно создатель Пиквика завершил свои труды незаконченной и волнующей до сих пор "Тайной Эдвина Друда".

Но не в Англии и не во Франции появился первый герой, возведший дедукцию и детективное мастерство в искусство. Общеизвестно, что детективный жанр начинается с трех блестящих новелл Эдгара По. Трагический поэт Америки нередко именуется "певцом кошмаров и ужасов". Но еще больше он стремился к прекрасной ясности, к прославлению человека и его ненасытного ума. Именно По в детективной новелле "Тайна Мари Роже" писал: "В моем сердце нет места вере в сверхъестественное".

Ненавистными для По были автоматизация мышления, лень мозга, умственная обломовщина. Герой рассказов По, детектив Дюпен, настаивал на свободе от штампа, на отказе от усложненного и нарочитого хитроумия (не поэтому ли он предпочитал простые

² "Лунный камень" - роман английского писателя Уилки Коллинза (1824 - 1889).

³ Полицейское управление Лондона.

шашки шахматам?). В "Украденном письме" письмо нашлось там, где его меньше всего искали, - на самом виду.

В полном согласии с По Г. К. Честертон написал рассказ о почтальоне, которого никто не замечал, потому что он был слишком обычным, примелькался.

Честертон написал и интересный очерк "В защиту детектива", где есть такие строки: "...Многие вообще не представляют себе, что может быть хороший детектив... По-видимому, они считают, что писать о преступлении так же дурно, как его совершить. Этим нервных людей, в сущности, можно понять: действительно, в детективах не меньше крови, чем в шекспировых драмах".

Тот же Честертон создал "странного детектива" - патера Брауна. Браун не только следопыт. Он аналитик, философ, внешне смешной, маленький и круглолицый. В рассказе об убийстве знаменитой актрисы три свидетеля сообщают на суде о том, что видели в глубине коридора силуэт убийцы. Поэт увидел женщину, майор - гориллу. Патер Браун говорит, что видел дьявола. Суд потрясен. Браун объясняет, что у католических священников края шляпы загнуты наподобие рогов. В конце коридора было зеркало: длинноволосый эстет и коренастый воин не узнали себя.

"Судья откинулся на спинку кресла.

- А можете ли вы объяснить,- спросил он,- почему вы узнали ваш собственный образ, когда двое таких замечательных людей не могли сделать этого?

Патер Браун несколько мгновений усиленно моргал глазами, потом пробормотал: - Право, милорд, не знаю... Разве вот только потому, что я реже, чем они, вижу в зеркале свое отражение..."

Видеть обычное свежим, точным и свободным от обывательских шор взглядом учит, по мнению писателя, самый жанр детектива.

За сто лет до Честертонна появился герой, если и видевший свое отражение, то разве что в воде. Натаниэль Бумпо, Кожаный Чулок, созданный гением Фенимора Купера, пленил весь мир. Конечно, в первую очередь пленило великолепное описание индейских племен (им восхищался и Пушкин), аромат и просторы прерий. Но герой пленял и умением читать следы, искать, делать выводы. В этом смысле и он предок Холмса. Как ни знаменит дымный кабинет на Бэкер-стрит, но в рассказах Конан Дойля отлично описаны и туманные закоулки Лондона, и английские поместья, и угольные города Америки. Да и сам Холмс, бросив свое ремесло, удалился на лоно природы, занялся пчеловодством, написал солидный труд о разведении пчел с заметками относительно пчелиных маток, применив в наблюдении за роями маленьких тружеников опыт, почерпнутый в наблюдении за преступным миром Лондона (рассказ "Его последний удар").

Но не будем говорить о мудрости Холмса. Скажем и о его глупости. О его непростительной ошибке.

Читатели Конан Дойля, знакомые с первым романом о Холмсе, "Этюд в красном", наверное, помнят гневную филиппику сыщика против наук. "Зачем мне история, если это не история судебных процессов? - восклицает друг Ватсона.- Зачем мне вообще ненужные сведения, ненужные науки, кроме химии, судебной медицины и знания почв?" Последователи английского романиста старались исправить ошибку "классика". Герой романов Ван-Дайна Фило Вэнс знает решительно все на свете: от археологии до физики. Но дело не в том, нужны ли детективу науки. Интересно то, что наукам пригодился.. детектив.

Член-корреспондент Академии наук И. Е. Старик в одной из своих статей пишет: "Особое впечатление на меня произвели в девятом классе уроки логики, которые талантливый педагог проводил на примере увлекательных рассказов Конан Дойля. Впоследствии эти занятия оказали большое влияние на мою творческую деятельность в области радиохимии. Оказалось, что при изучении поведения вещества, когда за ним невозможно наблюдать, применим тот же метод, какой использовал Шерлок Холмс". А вот выдержки из статьи В. Ковалевского: "...Возникла догадка, что странные линии в

спектре радиозвезды как раз "запрещенные". Но каким химическим элементам они соответствуют?

Началось форменное следствие. Вскоре один из "детективов", профессор Джесс Гринштейн, напал на след..."

Впрочем, химию Холмс милостиво признавал. Но он отвергал историю. В увлекательном романе английская писательница Жозефина Тэй рассматривает все сохранившиеся данные о пресловутом Ричарде III Горбатом; и ее герой - детектив - приходит к заключению, что Ричард не был ни злодеем, ни захватчиком трона, ни горбуном. Дело объясняется просто: Елизавета, в царствование которой писал Шекспир, была внучкой Генриха VII, захватившего трон после победы над Ричардом.

Единственная ли это легенда в истории? Не сталкивались ли мы и в наше время с "творимыми легендами"? Не нужны ли и здесь дедукция, работа "детективного плана"? Да простит мне великолепный литературовед Иракий Андроников ссылку и на его труд! Впрочем, вероятно, автор книги о Лермонтове не обидится: недаром одна из его работ носит сугубо детективное название "Тайна Н. Ф. И."

Во второй половине двадцатого века человеческое мышление шагнуло далеко вперед. Два-три признака, одно новое явление - и возникают догадки, гипотезы, выводы... Наблюдательность и свежесть восприятия, смелость в предположениях и упорство в опытах и размышлениях, влечение к загадкам и к процессу их раскрытия... Не свойственны ли и эти черты человеку нашего времени?

Впрочем, человеку свойственно и другое. Например, украдкой сравнивать Агату Кристи с Диккенсом (и, представьте себе, в пользу второго). Или же, начав читать детективный роман, не удержаться и заглянуть в конец (грех непростительный). Чтобы такое искушение не овладело читателем этой, не претендующей на выводы статьи, конца в ней не будет.

Выводы пусть делает читатель.